

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94 (100-87)
DOI: 10.17223/19988613/63/15

Л.П. Веремчук

ТОКВИЛЬ О БОНАПАРТИЗМЕ КАК ФАКТОРЕ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Предпринят анализ концепции бонапартизма, сформировавшейся в творчестве известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля; показано место этой концепции в исследовании им французского революционного процесса конца XVIII – середины XIX столетия. Рассматривается трактовка исследователем предпосылок утверждения авторитарных режимов в политической системе Франции той эпохи, их социальных основ, их роли в осуществлении происходивших тогда социальных и политических трансформаций.

Ключевые слова: бонапартизм; демократический деспотизм; административная централизация; либеральная демократия.

Одним из устойчивых направлений научных интересов известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля стало исследование такого сложного политического явления, как бонапартизм. Токвиль не принадлежал к числу сторонников этой формы властвования, будучи убежден в том, что, лишая общество политической свободы и ущемляя личную свободу граждан, авторитарное правление его ослабляет, налагает пуги на экономическую деятельность, ограничивает возможности созидательного творчества, поступательного движения, заводит общество в тупик стагнации. Вместе с тем он внимательно изучал это явление с целью найти средства ему противостоять. Глубину научного анализа Токвиля в объяснении природы бонапартизма, особой роли этого явления в развитии французского революционного процесса эпохи Нового времени отмечали такие известные исследователи его научного творчества, как В.М. Далин [1], А.М. Салмин [2], К. Лефор [3], Ж. Лефевр [4], П. Моро [5]. Тем не менее эта сторона исторических идей Алексиса Токвиля до сих пор остается мало изученной.

Начальные попытки научного рассмотрения бонапартизма как феномена политической жизни общества содержит первое крупное произведение Токвиля – его книга об американской демократии. Фокусом этого исследования стал анализ общества либеральной демократии как явления социального и политического, формирование знания о том, каковы достоинства и опасности этой относительно новой для Европы и Франции того времени общественно-политической системы.

В числе таких опасностей исследователь называл выявленную им устойчивую тенденцию развития буржуазных обществ в сторону «демократического деспотизма», чему находил множество предпосылок, укоре-

ненных в основах их жизнедеятельности: усложнение экономических структур и динамики их развития в условиях роста крупной промышленной индустрии и капиталистических форм хозяйствования, закономерно приводивших к возрастанию роли центральной государственной власти в координации экономической деятельности и контроле над ней [6. С. 493]; усложнение социальной жизни и возрастание социальных противоречий, что требовало большей регламентации, контроля и сдерживания со стороны государства [Там же. С. 492]; укорененное чувство собственности, преобладавшее в ментальных установках граждан обществ либеральной демократии, культ собственности и ее денежного эквивалента, бросающий их под крыло сильной абсолютной власти при первой реальной угрозе в отношении этой собственности [Там же. С. 396–397]. Выражая свое представление о «демократическом деспотизме» ученый писал: «Я вижу неисчислимые толпы похожих друг на друга людей... Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих... Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть... власть эта абсолютна», может сочетаться «с некоторыми внешними атрибутами свободы» [Там же. С. 497]. Характеризуя предпосылки угрозы «демократического деспотизма», Токвиль нередко проводил на страницах книги об Америке аналогии с диктаторским правлением Наполеона Бонапарта [Там же. С. 308 прим., 486].

Ученый констатировал тот бесспорный факт, что общество североамериканских штатов за долгие годы своего существования нашло действенные средства противостоять угрозе «демократического деспотизма», «лекарства» от него [Там же. С. 34, 502–503], заложив в свою политическую систему такие альтернативные

этой угрозе принципы и институты либеральной демократии, как структуры местного самоуправления, различного рода союзы и объединения граждан, принцип свободы печати, осуществление правила выборности государственных должностных лиц в различного рода центральные и местные представительные учреждения, существование в политической системе страны сильной независимой судебной власти, достаточный уровень благосостояния граждан демократического социума (поскольку важнейшую гарантию прав личности ученый усматривал в ее правах собственности); ту же роль он отводил высокому уровню политического сознания граждан, основанного на желании быть свободными, на достаточном уровне их политической культуры и образованности [6. С. 65, 83–84, 157, 163–164, 381, 399, 401, 491]. В целом Токвиль приходил к выводу: «Демократическое правительство... всегда предполагает, что общество, которым оно будет управлять, должно быть высокоразвитым, цивилизованным, в котором и уровень образования, и уровень наук высоки» [Там же. С. 168].

Если в североамериканских штатах на момент посещения их Токвилем утверждение в их политической системе «демократического деспотизма» являлось лишь гипотетической угрозой, которой этому обществу удавалось успешно противостоять, то в истории его собственной страны эта форма властвования обрела плоть и кровь в бонапартизме, наиболее ярко и полно воплотившемся в политической системе и политической практике Первой империи, порожденной динамикой Великой французской революции, и Второй империи, оборвавшей острые противоборства Февральской революции. Главным образом на этом историческом опыте Франции Токвиль и сформировал базовые характеристики природы, социальной основы и существа бонапартизма, основополагающие знания о нем, изложенные на страницах его «Воспоминаний» и книги «Старый порядок и революция» (с незавершенными и неизданными при жизни автора фрагментами и набросками к предполагаемому им продолжению этого произведения).

Восхождение Наполеона Бонапарта на вершину французского политического олимпа Токвиль связывал со временем Консулата, пришедшего на смену правлению термидорианского Конвента и Директории. Определяя место этого временного промежутка во французском революционном процессе конца XVIII в., он выделил его в последний, завершающий этап Великой французской революции, назвав движением «от 18 брюмера к Империи» [7. С. 198]. Ученый так раскрывал его общее содержание: собственными ошибками и разочарованиями «французы были приведены к тому, что покинули свою первоначальную цель, и, забыв о свободе, пожелали сделаться только равными рабами властителя мира» [8. Р. 12]; правительство «более сильное и гораздо более абсолютное, чем то, которое было низвергнуто Революцией, захватывает и сосредоточивает в себе все виды власти, подавляет все

вольности, купленные столь дорогой ценой, и ставит на их место пустые призраки» [8. Р. 12]. Желание быть свободными охладело, «Франция решила купить спокойствие ценою рабства», Наполеон победил «либеральный гений французской Революции» [Ibid. С. 22].

Токвиль оставил множество характеристик, оценок, замечаний, позволяющих составить представление об общем видении им той роли, какую личность Бонапарта и его деятельность сыграли в событиях Великой французской революции. Показательно в этом отношении, что одну из глав подготовительных материалов к продолжению книги «Старый порядок и революция» Токвиль назвал «Французская революция и Наполеон» [7. С. 169–172]. В ней он утверждал, что содержание деятельности этой великой личности определялось не только его интеллектом и способностями – «почти божественный ум», «великий гений» [Там же. С. 171, 204], но и состоянием общества, положением в армии, духом эпохи. Выражая эту мысль, ученый писал: «Странному величию его военного гения помогало его странное и необузданное время» [Там же. С. 171].

Выявляя причины того, почему Наполеона Бонапарта и империю поддержала значительная часть нации, историк указывал на то, что самыми заинтересованными сторонниками диктатуры оказались тогда высшие собственные классы общества, усмотревшие в ней средство прекратить длительную череду политических потрясений, насилия, нарушений законности, столь опасных для их жизни и благосостояния. С помощью диктатуры эти классы надеялись обезопасить себя и свою собственность от эгалитаристских устремлений неимущих слоев общества: «Когда, следуя естественному ходу подобных событий, любовь к свободе остыла и утомилась среди анархии и диктатуры черни, и нация, в смятении, начала, как бы ошупью, искать себе господина, – тогда абсолютная власть нашла для своего возрождения и обоснования удивительно легкие пути, которые и были без труда открыты гением человека, ставшего в одно и то же время продолжателем Революции и разрушителем ее дела» [8. Р. 229], – писал он об этом явлении. Нация, утомленная продолжительными волнениями, «согласилась быть обманутой» [Ibid. Р. 165].

Еще в книге об американской демократии Токвиль утверждал, что боязнь беспорядков и привязанность к материальному благополучию составляют основу «демократического деспотизма»; «никогда народ не бывает столь расположен к расширению полномочий центральной власти, как после длительной и кровавой революции, в результате которой он отобрал все богатства у их бывших владельцев, подорвал все верования, наполнив общество бешеной ненавистью, взаимоисключающими интересами и противоборствующими фракциями. Именно тогда рождается слепая любовь к общественному спокойствию и граждане воспламеняются безудержной страстью к порядку» [6. С. 488].

Ученый выявил и исследовал то обстоятельство, что поддержка бонапартизму была оказана и огромной

массой крестьянства, всеми его имущими слоями; обращал внимание на тот действительный факт, что подавляющая часть крестьянства боролась в революции за приобретение прав собственности на землю, за укрепление их и ввиду этих же целей поддерживала диктатуру Наполеона Бонапарта, когда революция завершилась. В этой ситуации крестьянство сыграло роль необходимой в таких случаях массовой силы, на которую диктатура могла опереться. В этом отношении ученый проводил вполне уместную параллель между соответствующими событиями Великой французской революции и Февральской революцией 1848–1849 гг., в частности, обращал внимание на то, что одни и те же действия политиков общество может поддерживать или не поддерживать в зависимости от того, насколько они совпадают с его интересами и настроениями. Это суждение он подтверждал следующим примером: Бонапарт, придя к власти, ввел добавочный сорокапятисантимовый налог, и народ не обернулся против него, поскольку совокупность того, что он делал, была популярной; Временное правительство в 1848 г. предприняло аналогичную меру, и было предано анафеме. Это произошло потому, что первый произвел переворот, которого желали, второе – переворот, которого не хотели [7. С. 200].

Одну из причин утверждения диктатуры Наполеона Бонапарта и режима Первой Империи Токвиль усматривал в особенностях расстановки политических сил во Франции конца революции. В этом смысле он справедливо замечал: «Для якобинцев Бонапарт являлся средством противостоять роялистской реставрации; для роялистов – препятствием к возвращению террора» [Там же. С. 200–201].

Немаловажную роль в деле утверждения диктатуры ученый отводил умонастроениям эпохи, той политической культуре и тем представлениям о справедливости, которые определяли действия различных социальных сил в революции. В этой связи он отмечал, что «ко времени, когда у французов пробудились склонности к политической свободе, в их ментальных установках уже глубоко укоренились ценности, противоположные ей, – идея административной централизации, сильной власти, аристократии чиновничества, государственной опеки в отношении частных лиц» [8. Р. 187].

В характеристике Первой империи историк выразил понимание того, что это правление являлось такой разновидностью деспотизма, которая, в отличие от старого феодального, была основана на принципах народного суверенитета и народного представительства, однако реально состояла в неограниченной власти одного: «правление от имени народа, но без народа»; представлено множество, но управляют просвещенные классы; низшие классы удовлетворены тем, что провозглашено их представительство, что отменены все промежуточные звенья в управлении, которые угнетали их, тем, что дано удовлетворение «чувству зависти и уравниательства» [7. С. 210].

Задаваясь вопросом, каким было место Первой империи в событиях революции, какова в ней была ее

роль, исследователь приходил к мнению, что эта роль являлось весьма значительной; полагал, что утверждение имперского правления изменило вектор французского революционного процесса от разрыва к преемственности. Одним из главных выражений преемственности ученый считал возвращение Франции к авторитарному правлению [8. Р. 229]. Другое из основных выражений преемственности между революционной и постреволюционной Францией Токвиль усматривал в восстановлении институтов административной централизации: «...ухватились за развалины централизации и восстановили ее... из самых недр нации, только что низвергнувшей королевскую власть, внезапно выросла столь обширная, разветвленная и абсолютная власть, какую не пользовался ни один из наших королей» [Ibid. Р. 229–230].

Характеризуя в этом аспекте внутреннюю политику Первой империи, Токвиль писал: «подавление человеческой свободы» [7. С. 171]; все свободы, все промежуточные власти упразднены; деспотизм, удушающая атмосфера; унижение душ, оцепенение человеческого духа; застой литературы и искусства [Там же. С. 207].

В одном из подготовительных набросков к продолжению книги «Старый порядок и революция» читаем: «Когда перейду к характеристике Империи, необходимо будет дать глубокий анализ этого производства (fabrique): деспотизм одного, созданный на демократической основе; комбинация, наиболее полно приспособленная ко времени и к людям; деспотизм самый безграничный, превосходно обоснованный видимостью права и священных интересов, представляющий огромное число людей и, в то же время, наименее ответственный перед ними» [Там же. С. 205]. Токвиль отвергал бонапартизм как форму политического режима, однако, трезво оценивая ситуацию конкретного момента, был склонен видеть в нем действенное средство предотвращения анархии и защиты буржуазной собственности в условиях долговременной нестабильности социума.

Мощным стимулом к осмыслению бонапартизма как формы властвования послужил для ученого новый поворот французского революционного процесса, породивший Февральскую революцию 1848–1849 гг., и последовавшее за ним торжество Второй империи. Он тяжело пережил эти события как новое крушение своих либеральных идеалов. Утверждение диктатуры Людовика Наполеона оборвало на взлете его политическую карьеру, воочию продемонстрировало новые аспекты политических трансформаций во Франции, заставило вернуться к изучению бонапартизма как политического явления, искать ответы на новые (в то же время и старые) «проклятые вопросы» – почему череда демократических революций, нацеленных на идеалы гражданского равенства и политической свободы, неизменно завершалась в его стране утратой политической свободы и торжеством деспотических режимов? В новой исторической ситуации и на новом исследовательском

уровне, вместе с тем опираясь на факты истории Великой французской революции, выявленные и осмысленные в предшествующем творчестве, Токвиль в начале 1850-х гг. вновь обратился к анализу этой проблемы, посвятив ей главное историческое произведение своей жизни – книгу «Старый порядок и революция».

События 1848–1851 гг. оказали глубокое воздействие не только на судьбу ученого, но и на все его последующее творчество, открыли новые стороны тех социальных процессов и явлений, которые давно привлекали его внимание и которые в определенной степени были им предвидены. Эти события подтвердили выраженный в книге об американской демократии неутешительный для Токвиля его прогноз относительно того, что процесс демократического развития общества «вряд ли остановится перед буржуазией и богатыми классами» – он переступит их [6. С. 29]. События Февральской революции с очевидностью убеждали его в том, что революционное движение, восходившее к Великой французской революции, далеко не завершено, имеет все признаки исторического процесса, протяженного на длительную перспективу.

Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. не оставило у Токвиля сомнений в том, что это явление связано с ростом радикализма угнетенных масс, что они стали теперь главной силой революционного процесса, вооруженной теми социалистическими учениями, откровенно враждебное отношение к которым он неоднократно и недвусмысленно выражал [9. Р. 540–541, 545]. Если Токвиль хотел видеть в Февральской революции наследницу буржуазно-либеральных идей 1789 г., то пролетарская масса сражалась в ней за «социальную республику», которая была бы основана на ее участии в делах государственного управления, равенстве имуществ, конституционно закрепленном праве на труд. Эти целевые установки и эти действия содержали в себе тенденции-предвестники социалистических революций XX столетия.

Июнь 1848 г. лишил Токвиля иллюзий возможности достижения полной социальной гармонии и классового мира в рамках буржуазного общества, которые он прежде питал; заставил признать, что в июне 1848 г. известная часть нации пережила шок, рожденный «ужасом социализма» [10. Р. 262]. Июньское восстание парижского пролетариата сделало очевидным ошибочность мнения, будто революционный процесс во Франции завершился. Передавая свои чувства и опасения на этот счет, ученый восклицал: «Ужас! Сегодня стало очевидным, что шквал продолжается, что море вздымается, что не только мы не увидим завершения этой бесконечной революции, начавшейся до нас, но и дети, рожденные сегодня, вероятно, его не увидят. Речь идет не о модификации, а о полной трансформации общественного организма» [10. Р. 460–461].

Политическая практика 1848–1851 гг. подтвердила его давние предположения относительно того, что при первой серьезной угрозе интересам собственности буржуазия окажется готовой отказаться от своих поли-

тических свобод. Именно такого рода опасность в 1851 г. бросила собственнические классы Франции под крыло диктатуры Людовика Бонапарта. Во введении к книге «Старый порядок и революция» ученый наметил линию исследования, связанную с проблемой «демократического деспотизма», вновь выразил уверенность в том, что противостоять деспотизму может только политическая свобода, равно как и свое намерение вновь обратиться к изучению условий ее сохранения во Франции.

Заявление таких целей исследования, по сути, можно расценивать как открытое проявление оппозиции авторитарному режиму Наполеона III, которому Токвиль в том же введении подчеркнуто противопоставил свои либеральные убеждения: «Так как свое хорошее мнение о свободе я высказывал тогда, когда она была в милости, – надеюсь, не покажется предосудительным, что упорствую в этом мнении теперь, когда свободу отвергают» [8. Р. 13].

В учреждениях Второй республики ученый усмотрел новую политическую силу и новую форму защиты буржуазного порядка от пролетарской угрозы. Деятельность в них стала вершиной политической карьеры Алексиса Токвиля. Он был членом Учредительного, затем и Законодательного собраний от своего избирательного округа; со 2 июня по 30 октября 1849 г. являлся членом правительства, входил в состав второго министерства О. Барро, занимал в нем должность министра иностранных дел, многое сделал для того, чтобы защитить буржуазные завоевания Февральской революции.

Политическая деятельность этого времени показала, что его либеральные убеждения вполне умещались в рамках парламентской диктатуры «партии порядка». Как член правительства Второй республики Токвиль принимал решения, нацеленные на жесткое подавление леворадикальных течений в революционном процессе, на масштабное ограничение политических свобод: «Мне казалось, что после таких сильных революционных потрясений было только одно средство спасти свободу: установить для нее границы. Мои сотоварищи разделяли мое мнение; поэтому мы предложили издать закон о закрытии клубов, ограничить свободу печати еще энергичнее, чем во времена монархии и урегулировать осадное положение» [11. Р. 253]. Неоднозначность содержания политической деятельности Токвиля в 1848–1849 гг. позволила А.М. Салмину заметить, что в ней он проявил себя как «заурядный либерал», пытавшийся спасти свободу, законность, конституционализм посредством методов, противоположных этим идеалам [2. С. 15].

Ученый предчувствовал опасность утверждения диктатуры Людовика Бонапарта с июня 1848 г. Начало «ретроградного движения» от свободы к диктатуре он датировал 27 июнем 1848 г.: «...сначала оно было очень медленным и почти незаметным, но потом сделалось быстрым стремительным и непреодолимым» [11. Р. 189].

Глубокий анализ настроений и переживаний Токвиля, порожденных угрозой бонапартистского переворота, дал В.М. Далин, которому удалось на основе переписки ученого 1848–1851 гг. показать, с какой глубиной и точностью он выявил суть эволюции политической ситуации в стране, приведшей к провозглашению Второй империи [1. С. 48–52]. Содержание «Воспоминаний» и корреспонденции тех лет не оставляет сомнений в том, что ни политические устремления будущего властителя, ни его личные качества не находили позитивной оценки со стороны Токвиля. Он связывал перспективу этого правления с утверждением во Франции «незаконнорожденной монархии, которая внушала бы презрение образованным классам населения, была бы врагом свободы и управлялась бы интриганами, авантюристами и холопами» [11. Р. 231].

Заслуживает внимания не столько то, что ученый предвидел государственный переворот Людовика Бонапарта, сколько то, как точно выявил его предпосылки и социальную основу. Главной из этих предпосылок он считал обострение свойственного среднему классу собственнического чувства, вызванное видимой угрозой со стороны восставших рабочих, уже отмеченное им в книге об американской демократии, где он писал, что страстная привязанность демократических народов к материальному благополучию толкает их «к расширению полномочий центрального правительства, единственной силы, которая представляется им достаточно стабильной, достаточно мудрой и достаточно мощной, чтобы спасти их от анархии» [6. С. 488]. Исследователь утверждал, что чувство собственности, имманентно присущее буржуазным классам, может быть многократно усилено революционными трансформациями. В этом случае страх потерять собственность или горячее стремление сохранить те богатства, какие буржуазия только что отняла у дворянства, могут толкнуть ее на самые крайние действия, заставить забыть о выгодах политической свободы и броситься в рабство неограниченной диктатуры [Там же].

Полвека революционной нестабильности и перманентной угрозы отношениям собственности обострили ситуацию во Франции. Токвиль отмечал, что после «стольких обманутых надежд и бесплодных волнений» в умах и сердцах его соотечественников не осталось ничего, кроме стремления сохранить свою собственность [11. Р. 88]. Угроза ей со стороны рабочего движения и социализма объединила все собственнические классы Франции [Ibid. Р. 110–111, 117–118]. Характеризуя настроения большинства национального собрания в 1848–1849 гг., ученый замечал, что при боязни нового утверждения империи все усилия этого большинства были направлены на то, чтобы закрыть доступ народным низам во власть. Угроза утверждения такой власти с ее установкой на социальное равенство, упразднение частной собственности и породили, как полагал Токвиль, в душах «слабых, порядочных и заурядных», из каковых в большинстве и состоит челове-

ческий род, то «удивительное моральное истощение», которое бросило нацию под крыло диктатора [12. Р. 301]. В отличие от многих своих современников, пытавшихся объяснить причины бонапартистского переворота волей Провидения, либо трактовать их как акт насилия со стороны отдельной личности, в трактовке Токвиля бонапартизм получил историческое, политическое, социологическое и психологическое объяснение.

Уволив в отставку второе министерство О. Барро, Людовик Бонапарт сформировал правительство, состоявшее в основном из его сторонников, и решительно повел политику восстановления монархии. На протяжении времени с конца 1849 до конца 1851 г. развернулось напряженное противостояние между президентом Республики и ее Законодательным собранием. В этом противостоянии президент неизменно усиливал свои позиции. Все шло к империи.

В ночь на 2 декабря 1851 г. президент Людовик Бонапарт совершил государственный переворот, сосредоточив в своих руках всю власть. Общественные здания были заняты войсками, Законодательное собрание распущено. Часть депутатов собрались в мэрии десятого округа с целью остановить переворот, сместить Бонапарта, восстановить республику. Токвиль присутствовал на этом собрании, подписал все принятые на нем резолюции. Однако попытка изменить ситуацию оказалась тщетной. В своем биографическом очерке о Токвиле (впервые опубликованном в 1866 г. в пятом томе его собрания сочинений) Г. Бомон сообщает, что вместе с двумястами участниками протеста Токвиль был арестован, отправлен из мэрии десятого округа в военные казармы на набережной Орсе, а оттуда в ночь со 2 на 3 декабря был доставлен в арестантской карете в Венсенский замок и подвергнут кратковременному заключению. «Здесь оборвалась политическая жизнь Токвиля, – пишет Бомон. – Она завершилась вместе с гибелью свободы во Франции» [12. Р. 74]. Токвиль отказался принести присягу верности новому правителю и оставил политическую карьеру.

Пережитая ученым в начале 50-х гг. трагедия политического поражения оставила тяжелый след в его душе, надолго сохранила горечь утрат и разочарований, отразилась на всем последующем творчестве. До конца жизни он не примирился с политическим режимом Второй империи, с тем «удивительным упадком моральных сил» общества, который сопровождал ее возникновение [12. Р. 301], с тем «родом паралича», которым она сковала политическую жизнь Франции [10. С. 273]. В одном Наполеон III не обманул его надежд – в том, что касалось обеспечения социальной стабильности, подавления революционного движения в стране, защиты прав частной собственности перед лицом леворадикальной анархии.

Эту сторону настроений ученого середины 50-х гг. хорошо отразило письмо к другу, одному из постоянных его корреспондентов графу де Сиркур, в котором ученый анализировал общественно-политическое состояние Франции зимы 1854 г., обсуждал степень

опасности вспыхнувших тогда в Париже пролетарских волнений. Выражая свои суждения на этот счет, Токвиль утверждал, что волнения парижских рабочих не только не опасны для правительства, но, напротив, укрепляют его, «бросая под его крыло всех, кто трепещет, то есть почти всех французов, исключая пролетариев. Это те самые чувства, которые породили современную власть, именно они дадут ей жить; и если бы я был удостоен чести являться одним из министров Его Величества Наполеона III, то начал бы беспокоиться лишь с того дня, когда заметил бы, что народ больше не вселяет страха» [12. Р. 318].

Токвиль понимал, что империя представляла собой один из этапов восхождения буржуазии к власти, укрепления ее имущественных прав, ее позиций в обществе и государстве. В этом отношении его надежды на сильную личность и диктаторское правление вполне себя оправдали. Бесспорным представляется утверждение Ж. Лефевра, состоящее в том, что хотя диктатура сломала политическую карьеру Токвиля, «он не был обманут в гарантиях, обещанных новым деспотом по поводу отношений собственности; он ценил то, что в 1848 г. господствующий класс, в отличие от Конституанты 1789 г., обнаружил превосходную способность защитить свою власть» [4. Р. 15].

Политические процессы, наметившиеся в Европе во второй половине 50-х гг., убеждали Токвиля в конечном успехе либерального дела, в конечной возможности до-

стижения в европейском обществе социальной стабильности и политической свободы. Они помогли ему сохранить надежду на возвращение его страны к идеалам и политическому строю либеральной демократии, которая на самом деле будет восстановлена Конституцией 1875 г. через 16 лет после смерти ученого. Неслучайно П. Моро называл Токвиля «республиканцем завтрашнего дня» и ставил его в параллель с крупнейшими историками времени III Республики Э. Ренапом и И. Тэном [5. Р. 14].

Глубокое исследование Токвилем предпосылок утверждения в буржуазных социумах авторитарных форм правления, их природы и социальных основ, по праву заслужило высокую оценку современных авторов. К. Лефор, отмечая оригинальность и плодотворность этой концепции, пишет, например, что анализ проблемы «демократического деспотизма», данный в книге об американской демократии, «сделал больше для посмертной славы Токвиля, чем вся его работа» [3. С. 256].

В целом представляется возможным утверждать, что концепция бонапартизма, разработанная Алексисом Токвилем, содержит ряд безусловных научных достоинств, определивших ее устойчивое и продолжительное воздействие на политическую науку не только XIX, но и XX столетия. Этой концепцией он внес значительный вклад в историческое, политическое, социологическое, психологическое объяснения столь сложного явления, как бонапартизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Далин В.М. Из истории социальной мысли во Франции. М.: Наука, 1984. 256 с.
2. Салмин А.М. Идеологическое наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. 72 с.
3. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 367 с.
4. Lefebvre G. Introduction // Tocqueville A. de. Œuvres complètes. P.: Gallimard, 1952. Vol. 2. P. 9–30.
5. Moreau P. Tocqueville pour et contre le traditionalisme In: Alexis de Tocqueville. Livre du centenaire. 1859–1959. P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1960. P. 133–156.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: А. де Токвиль. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1877. Т. 8. 492 p.
7. Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Кольчугин, 1896. 350 с.
8. Tocqueville A. de. Etudes économiques, politiques et littéraires // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1876. Т. 9. 652 p.
9. Tocqueville A. de. Correspondance // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1866. Т. 6. 484 p.
10. Токвиль А. Воспоминания. М.: Солдатенкова, 1893. 319 с.
11. Tocqueville A. de. Nouvelle correspondance // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1866. Т. 7. 525 p.
12. Tocqueville A. de. Correspondance et œuvres posthumes // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1866. Т. 5. 476 p.

Lyudmila P. Veremchuk. Kazakhstan-American Free University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: 269724@mail.ru

TOCQUEVILLE ON BONAPARTISM AS A FACTOR OF TRANSFORMATIONS IN THE FRENCH REVOLUTIONARY PROCESS OF THE LATE XVIII - MID XIX CENTURIES

Keywords: bonapartism; democratic despotism; administrative centralization; liberal democracy.

The purpose of the study is to analyze the content of the concept of Bonapartism, which was formed in the work of the famous French historian of the first half of the XIX century, Alexis Tocqueville, the place of this concept in his study of the French revolutionary process of the late XVIII - mid XIX centuries.

The importance to study this aspect of Tocqueville's works was noted by such famous researchers of his scientific work as V.M. Dalin, A.M. Salmin, C. Lefort, J. Lefebvre, P. Moreau. At the same time, this side of the scientist's historical ideas is still poorly researched.

The sources for analyzing the content of the concept of Bonapartism developed by Tocqueville were the texts of his works *Democracy in America*, *Memoirs*, *Old Order and Revolution*, draft materials for writing a continuation of the book *Old Order and Revolution*, speeches, and personal correspondence. The article describes the tendency of the development of bourgeois societies of the New Age epoch towards authoritarian rule, which he called "democratic despotism", and reveals the prerequisites for its formation, studied by Tocqueville.

It is shown that in the history of his own country, this form of rule gained flesh and blood in Bonapartism, which was most vividly embodied in the political system and political practice of the First Empire, generated by the dynamics of the Great French Revolution, and the Second Empire, which broke off the sharp confrontations of the February Revolution. Based on this historical experience of France, Tocqueville formed the basic characteristics of nature, the social basis and essence of Bonapartism, the fundamental knowledge of its nature, forms and methods.

As a result of the study, the author of the article came to the following conclusions and generalizations. The concept of Bonapartism, developed by Alexis Tocqueville, contains a number of unconditional scientific merits, consisting in the fact that it reveals the nature of Bonapartism, reveals the causes and prerequisites for its formation - historical, political, social, psychological; the role of this form of rule in the development of the French revolutionary process of the late XVIII - mid XIX centuries.

REFERENCES

1. Dalin, V.M. (1984) *Iz istorii sotsial'noy mysli vo Frantsii* [From the history of social thought in France]. Moscow: Nauka.
2. Salmin, A.M. (1983) *Ideynoe nasledie A. Tokvilya i sovremennaya politicheskaya traditsiya Zapada* [The ideological heritage of A. Tocqueville and the modern political tradition of the West]. Moscow: AS USSR.
3. Lefort, C. (2000) *Politicheskie ocherki (XIX – XX veka)* [Political Essays (19th – 20th centuries)]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: ROSSPEN.
4. Lefebvre, G. (1952) Introduction. In: Tocqueville, A. de. *Œuvres complètes*. Vol. 2. Paris: Gallimard. pp. 9–30.
5. Moreau, P. (1960) Tocqueville pour et contre le traditionalism. In: Tocqueville, A. de. *Livre du centenaire. 1859–1959*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique. pp. 133–156.
6. Tocqueville, A. de. (1877) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: A. de Tocqueville.
7. Tocqueville, A. de. (1896) *Staryy poryadok i revolyutsiya* [The Old Order and Revolution]. Translated from French. Moscow: Kol'chugin.
8. Tocqueville, A. de. (1876) *Œuvres complètes*. Vol. 9. Paris: Michel Lévy frères.
9. Tocqueville, A. de. (1866a) *Œuvres complètes*. Vol. 6. Paris: Michel Lévy frères.
10. Tocqueville, A. de. (1893) *Vospominaniya* [Memoirs]. Translated from French. Moscow: Soldatenkova.
11. Tocqueville, A. de. (1866) *Œuvres complètes*. Vol. 7. Paris: Michel Lévy frères.
12. Tocqueville, A. de. (1866c) *Œuvres complètes*. Vol. 5. Paris: Michel Lévy frères.